

Д. И. КЛЕНОВСКИЙ

Оккультные мотивы в русской поэзии нашего века

Ich bin gewiss, wie Sie mich hier sehen,
schon tausend mal dagewesen und hoffe
noch tausendmal wiederzukommen.
Goethe, aus dem Gespräch mit Falk, 1813.
*(Bidermann: «Goethes Gespräche»)*¹

Начало нынешнего века совпало на нашей родине с интенсивными религиозно-философскими исканиями. Многие из тех, кому оказалось чуждо материалистическое мировоззрение, были в то же время неудовлетворены и церковным христианством. Часть из них обратилась к так называемым оккультным учениям — теософии и антропософии, которые примерно в это же время проникли с Запада в Россию. Первое из них оттолкнуло, однако, вскоре многих своим нехристианским содержанием. Более глубокий отклик встретила антропософия (выросшая из теософии, но затем с нею порвавшая), которая с догматами древнейших религий человечества соединила неотделимые от русского сердца истины христианства. Мимо этих оккультных учений не прошли, естественно, и русские поэты, и то или иное их отражение мы находим в творчестве многих лучших представителей русской поэзии нашего века: Гумилева, Ходасевича, Максимилиана Волошина, Андрея Белого, Федора Сологуба, Вяч. Иванова, Брюсова и др.

Одной из оккультных тем, прозвучавших в русской поэзии нашего века, была тема перевоплощения (реинкарнации), тема повторности человеческих жизней на земле. Это вполне понятно. Ничто так не волнует человеческую душу, тем более душу поэта, как тайна смерти. И как раз на этот вопрос оккультные учения дают и особенно волнующий ответ.

Тут необходимо коротко этот ответ охарактеризовать.

Согласно оккультным учениям, человек живет на земле не один только раз и не является на ней лишь случайным и кратковременным гостем. Человеческое бессмертное «я» — перевоплощается и участвует своими повторными земными жизнями во всей поступательной духовной эволюции своей планеты, совершая вместе с тем и свое собственное духовное восхождение. После физической смерти человека

(учит оккультизм) его «я», проделав сложный комплекс внутренней самооценки и самопознания, а также общения с потусторонними духовными силами, возвращается через некоторый промежуток времени на землю и живет снова в другом человеческом теле.

С перевоплощением тесно связан так называемый закон кармы. По этому закону, в каждом человеческом «я» между смертью и новым рождением развивается настойчивое желание загладить, искупить в своей следующей жизни на земле все те ошибки и преступления, какие оно совершило в предыдущей. Не всегда это удается, ибо воплотившись, человеческое «я» встречает новые препятствия и соблазны, обременено наследственностью и т. п. Но всё же это стремление предопределяет в известной степени каждую последующую жизнь человека, его поступки, его поведение, словом, всё то, что составляет его судьбу. В этом смысле — каждый поистине кузнец своего счастья (или несчастья), и, если принять кармический закон, в судьбе человека гораздо больше закономерного, неизбежного и гораздо меньше «случайного», чем это может показаться с первого взгляда («Я не сам ли выбрал час рождения, век и царство, область и народ»² — М. Волошин).

В мою задачу отнюдь не входит подробно изложить, а тем более (я это подчеркиваю) защитить оккультное миросозерцание. Истинно оно или ложно — судить здесь не буду, да в данном случае оно и не существенно. Важно то, было ли это миросозерцание воспринято русскими поэтами нашего века и какое оно нашло отражение в их творчестве.

Не всегда, конечно, те поэты, о которых речь впереди, приходили к оккультным темам в своих стихах через теософию или антропософию. Темы эти звучат во многих древних религиях человечества, в средневековой мистике и т. д. и могут быть почерпнуты из самых разнообразных источников. Однако в кругах русской передовой интеллигенции начала нашего века именно теософские и, особенно, антропософские взгляды были наиболее широко известны и распространены. В Петербурге, Москве, Харькове и других центрах страны существовали теософские и антропософские общества. Культурнейшие издательства того времени выпускали десятками книги, так или иначе связанные с оккультизмом, в частности, было издано по-русски многое из того, что вышло тогда из-под пера основателя антропософского учения доктора Рудольфа Штейнера. Знаменитая крымская дача поэта М. Волошина в Коктебеле, где перебивали в качестве радушно принятых гостей почти все лучшие русские поэты того времени, явилась местом их встречи со многими, тоже гостившими там, антропософами (в частности с руководителями петербургского антропософского общества Б. А. Леманом и Е. И. Васильевой), и общение с ними, а также с хозя-

ином дачи, убежденным антропософом, не могло пройти бесследно. Не будет поэтому ошибкой предположить, что оккультные темы были почерпнуты большинством русских поэтов начала нашего века именно из теософии и антропософии, особенно из этой последней.

* * *

<...>

Если формальная связь Ходасевича и Гумилева с оккультизмом точно неизвестна, то в отношении Максимилиана Волошина никаких сомнений на этот счет не существует — он был сознательным и последовательным антропософом. Волошин был лично знаком с Рудольфом Штейнером и даже жил одно время в мировом центре антропософского движения — Дорнахе (Швейцария), где работал над постройкой т. н. Гетеанума.

Поэтическое творчество Волошина (за исключением ранних его стихов) насквозь пропитано антропософским миропониманием, от него неотделимо и вне его в большинстве случаев вообще не может быть воспринято). Два его венка сонетов на космические темы «*Corona astralis*» и «*Lunaria*», например, могут быть поняты и осмыслены только тем, кто уже солидно знаком с оккультными учениями. То же можно сказать и о большинстве его стихов на темы исторические. По-антропософски трактует всегда Волошин тему России-Славии, ее прошлого, настоящего и, особенно, будущего.

Здесь следует разъяснить, что, по утверждению Р. Штейнера, славянскому народному гению предопределена в будущем ведущая духовно-культурная миссия в истории человечества: на смену нынешнему периоду романо-германской духовной культуры придет (сроки называть еще рано) период культуры славянской. Слова Волошина:

России нет, она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!³

— отнюдь не являются поэтому лишь брошенной на ветер «патриотической» фразой. Россия, в представлении поэта, истлеет и расцветет «царством духа»⁴. Здесь Волошин перекликается с Ходасевичем, высказавшим и в личном и в историческом плане ту же мысль: «умрешь и прорастешь», ибо «всему живущему» назначено «идти путем зерна»⁵ (то есть путем рождения из смерти). И не только с Ходасевичем перекликается Волошин, но и с Гумилевым, с тем «угрюмым и упрямым зодчим храма, восстающего во мгле», чье сердце:

будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны⁶.

И это тоже не патриотические мечты, а предчувствие будущей духовной миссии России. О «царстве духа» говорит Волошин, о «солнце духа» и «древе духа» — Гумилев⁷. Всё это не случайные совпадения. И если Волошин, верный своему антропософскому миросозерцанию, восклицает:

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод!⁸

— то и здесь тоже этот выбор часа рожденья — отнюдь не поэтическая фраза, а глубоко осмысленная кармическая необходимость. И такими же почти словами говорит об этом Гумилев:

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий⁹.

Так в трех таких, казалось бы, несхожих поэтах, как Ходасевич, Гумилев и Волошин, перекликается во всей своей многогранности одна мистическая тема.

* * *

Сознательным и даже, если можно так выразиться, ученым антропософом был Андрей Белый. Перед мировой войной и частично во время ее Белый жил в Дорнахе, слушал лекции Штейнера, участвовал, как и Волошин, в постройке Гетеанума. <...>

* * *

Я сознательно не останавливаюсь в этом очерке на оккультных мотивах в творчестве Ал. Блока. Дело в том, что мистика Блока, питавшаяся мистикой Влад. Соловьева, принадлежит к другой, более ранней струе (и тем самым к другому, предыдущему, веку), чем мистика перечисленных здесь поэтов, и говорить о ней нужно поэтому особо, а главное — вне связи с ними.

С оккультными учениями Блок был, судя по всему, знаком очень поверхностно, а может быть даже и незнаком вовсе (знакомство с парой-другой оккультных символов и образов — не в счет). Обладая утонченным духовным слухом, Блок различал космические шумы и звучания, но не улавливал их стройности и смысла. Он был лишь своего рода приглушенным передатчиком смутных звучаний «оттуда», своего рода элементарно восприимчивой к этим звучаниям антенной, но никак не их толкователем и комментатором. <...> Именно потому, что во время написания «Двенадцати» Блок, по его словам, «ощущал большой шум, вероятно шум от крушения старого мира»¹⁰ — и только! — но не был вооружен оккультным пониманием событий, мог он написать эту порочную по концепции своей и недостойную всякого подлинного оккультиста (не только христианина) поэму. Оттого, что Блок только слушал «музыку революции»¹¹, но не мог проверить ее оккультным разумом, дошел он до искаженного восприятия действительности. Одних оккультно-слуховых ощущений для решающих выводов недостаточно.

В своей оккультной беспомощности Блок признался сам: «я стою перед созданием своего искусства, и не знаю, что делать...»¹². Таков результат «антенного» восприятия потустороннего мира, восприятия, не подкрепленного чувством подлинной духовной ответственности, куда входит и недоверие к своим эмоциям, строгая их проверка оккультным разумом. Духовное знание может показаться сухим рядом с иной околумистической болтовней (как некоторые стихи Гумилева, Волошина и Ходасевича рядом со стихами Блока), но подлинно действенным и значительным является именно оно. Сейчас, после той духовной науки, какую дал Рудольф Штейнер, одних косноязычных духовных эмоций уже мало! Времена уже не те! 20-й век и для оккультизма уже не 19-й.

* * *

Исчезли ли оккультные мотивы из творчества русских поэтов? За железным занавесом — несомненно. Ведь там они столь же одиозны и нетерпимы, как всякая вообще религиозно-философская тема. При Советах все теософские и антропософские общества в России были запрещены и разгромлены, участники их подверглись преследованию, литература была тщательно изъята и уничтожена. Характерно, что то же самое произошло и в гитлеровской Германии, причем и большевики и нацисты преследовали оккультные общества с одинаковым рвением и притом еще гораздо ожесточеннее, чем

христианскую церковь (в Германии оккультные общества уже были разгромлены, когда церкви еще существовали). Что касается поэзии, то обвинение (кстати и некстати) в «мистицизме» стало крылатым словом при расправах с неугодными поэтами (было брошено такое обвинение и Ахматовой, хотя именно в ее творчестве никакой мистики нет).

Другое дело в эмиграции. Здесь с оккультными темами в поэзии можно встретиться и посейчас.

Приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод, что оккультные темы были русской поэзией нашего века восприняты и отражены.

* * *

Могут спросить, нужен ли такой анализ, такая «поверка на оккультизм» творчества наших лучших поэтов? Так ли это необходимо для их восприятия? Не всё ли равно, были, и в какой степени, Ходасевич и Гумилев антропософами или не были ими вовсе? Не постигаем ли мы их как поэтов, просто читая их стихи, независимо, так сказать, от их «духовного паспорта»?

Конечно, воспринять стихи можно и не вникая в их внутренний, не всегда всем понятный, смысл. Но это не явится полноценным их восприятием, хотя читающий сам этого и не заметит. Особенно это относится к стихам на оккультные темы. Надо учесть, что в таких стихах поэт уходит из мира обычных образов и понятий, а это требует совершенно особого подхода к ним и со стороны читателя. Многие стихи на оккультные темы (у М. Волошина, например.) являются просто недоступными для читателя, незнакомого с оккультным миропониманием. Последний, конечно, может их прочесть, но это будет лишь внешнее (нередко только раздражающее) скольжение по образам без проникновения в их смысл. Если не знать, например, что, согласно антропософскому миропониманию, каждый период в истории человечества и каждый его народ направляются своим архангелом, волошинские «ангелы времен» и «сторожевые херувимы» покажутся лишь поэтической бутафорией, в то время как для автора — это совершенно конкретные фигуры (Гумилев в «Шатре» тоже говорит о «приставленном» к Африке ангеле). Некоторые стихи Ходасевича, воспринятые лишь внешне, как ни к чему не обязывающее фантазерство, не только останутся непонятыми, но могут даже произвести отталкивающее впечатление, как мы это видели на примере со стихотворением «Ласточки». Значительные поэты пишут свои стихи с гораздо большим чувством ответственности, чем это принято думать, и на чи-

тателе лежит обязанность правильно эти стихи прочесть, не упрощая вложенного в них поэтом глубокого смысла. Неверно будет сделать отсюда вывод, что читателю, незнакомому с оккультными учениями, к стихам на подобные темы и прикасаться не следует. Кое-что он все же смутно воспримет, кое-что вызовет неясный отклик в душе — а это уже немало... Но, так сказать, в «убытке» (и большом!) по сравнению с подготовленным читателем он окажется. Поэзия требует вообще от читателя (гораздо больше, чем проза) некоторого минимума общекультурных знаний. Без него многие лучшие стихи, если только они не снабжены примечаниями (следовало бы к таковым, отбросив всякий снобизм, почаще прибегать!), остаются непонятыми, а, значит, по существу, не прочитанными, и фактически это случается очень часто, гораздо чаще, чем мы думаем. Разве можно, например, без некоторого минимума литературно-исторических знаний понять заключительные строки одного из лучших стихотворений Марины Цветаевой:

И сей пожар в крови тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, рог!¹³

Что за Карл? Какой рог? — спросит (про себя, разумеется...) иной читатель и естественно пройдет мимо всего стихотворения. Нечто подобное происходит и со стихами на оккультные темы, только число «проходящих мимо» этих стихов — еще выше.

Если минимум общекультурных знаний необходим для чтения стихов и отсутствием его от них не отмахнешься, то вполне резонно, чтобы в этот минимум входили и некоторые элементарные сведения по оккультизму. Это, само собой разумеется, не требование, это — пожелание, и притом в интересах самих читателей. Тот, кто хочет полноценно познакомиться, скажем, с творчеством таких поэтов, как М. Волошин и Андрей Белый, и не пройти мимо некоторых лучших стихов Ходасевича и Гумилева — должен к чтению их известным образом подготовиться. Тут на помощь читателю должны были бы прийти наши литературные критики и литературоведы. Не лекции по оккультизму требуются от них, хорошо было бы уже, если бы они направили внимание читателя в нужную сторону, предупредили бы его, скажем, против упрощенного подхода к тем или иным поэтам или стихам. К сожалению, мы этого не видим.

В результате названные поэты, да и некоторые другие, здесь не упомянутые, одни в меньшей, другие в большей степени остаются непонятыми, притом как раз в той части их творчества, которая нередко составляет поистине их святое святых. Литературоведы наши и критики подходят к оценке творчества этих поэтов с какой угодно точки

зрения, иногда с самой неожиданной, но только не с точки зрения их оккультных верований и чаяний. Мне, по крайней мере, не приходилось встречаться с такой оценкой. Даже говоря о М. Волошине, этом стопроцентном поэте-антропософе, оккультные корни его поэзии обходят полным молчанием. Между тем говорить о русской поэзии нашего века, игнорируя то влияние, какое оказал на нее оккультизм, — значит просмотреть чрезвычайно интересную и значительную ее особенность. Можно принимать или не принимать оккультизм, считать его истиной или заблуждением, находить влияние его на того или иного автора глубоким или поверхностным, длительным или преходящим, но расслышать его звучание в творчестве некоторых лучших наших поэтов — необходимо. Иначе встреча с этим творчеством всегда окажется неполноценной.

<1953>

